

Л. Н. ТОЛСТОМУ

2 сентября 1855. Петербург

2-го сентября 1855 г.

СПб.

Милостивый государь Лев Николаевич.

Я прибыл в Петербург в половине августа, на самые плачевные для «Современника» обстоятельства. Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья,¹ испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. Труд-то Ваш, конечно, не пропадет... он всегда будет свидетельствовать о силе, сохранившей способность к такой глубокой и трезвой правде, среди обстоятельств, в которых не всякий бы сохранил ее. Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в Вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать, как тот, к которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость действительности, глухота и немота окружающего не сделали с Вами того, что с большою частью из нас: не убили в Вас энергии, без которой нет писателя, по крайней мере такого, какие теперь нужны России. Вы молоды; идут какие-то перемены, которые — будем надеяться — кончатся добром, и, может быть, Вам предстоит широкое поприще. Вы начинаете так, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко. Однако я отвлекся от цели письма. Не буду Вас утешать тем, что и напечатанные обрывки Вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде,² — это не более как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать! Скажу одно, что статья не была бы напечатана, если б это не было необходимо. Но имени Вашего под нею нет.

«Рубка леса» прошла порядочно, хотя и из нее вылетело несколько драгоценных черт.³ Мое мнение об этой вещи такое: формою она точно напоминает Тургенева, но этим и оканчивается сходство; все остальное принадлежит Вам,⁴ и никем, кроме Вас, не могло бы быть написано. В этом очерке множество удивительно метких замечок, и весь он нов, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками; о солдате ведь наша литература доньше ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы все, что знаете об этом предмете, — все это будет в высшей степени интересно и полезно.

Панаев передал мне Ваше письмо,⁵ где Вы обещаете нам скоро прислать «Юность». Пожалуйста, присылайте. Независимо от журнала я лично интересуюсь продолжением Вашего первого труда. Мы приготовим для «Юности» место в X или XI кн(иге), смотря по времени, как она получится.

Деньги Вам будут на днях посланы.

Я поселился на зиму в Петербурге и буду рад, если Вы напишете мне несколько строк при случае.

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Н. Некрасов.

Мой адрес: в Малой Конюшенной, дом Имзена, или в контору «Современника».

Примечания

Подлинник неизвестен.

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» на 1898 г., № 2, с. 342—344.

¹ Речь идет о рассказе «Ночь весною 1855 года в Севастополе» (С, 1855, № 9) — журнальный вариант названия рассказа «Севастополь в мае». Цензоры (В. Н. Бекетов и особенно председатель Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин) исказили текст рассказа, хотя Толстой, ожидая цензурного вмешательства, дал варианты для тех мест, которые могли показаться «опасными». «Ежели сверх того, что я отметил, — писал он Панаеву 4 июля 1855 г., — стали бы вымарывать, решительно не печатайте» (Толстой, т. 59, с. 324). Некрасов первоначально сомневался в возможности публикации новой вещи Толстого. См. его письмо к Тургеневу от 18 августа 1855 г. (п. 219). Редакция журнала все-таки напечатала рассказ без подписи автора. О цензурном вмешательстве первым сообщил Толстому Панаев в письме от 28 августа 1855 г. (см.: Красная новь, 1928, № 9, с. 223—224). Толстой по этому поводу записал в дневнике 17 сентября 1855 г.: «Я, кажется, сильно на примете у синих (жандармерии. — Ред.) за свои статьи. Желаю впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей (...) Несмотря на первую минуту злобы, в которую я обещался не брать пера в руки, все-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература» (Толстой, т. 47, с. 60). О цензурной истории рассказа «Севастополь в мае» см.: Мияковский В. Неизданные строки. — Братство, Киев, № 2, с. 2—3; Гусев. Материалы I, с. 585—586.

² Из близких к редакции журнала литераторов с произведением Толстого до его публикации были знакомы, например, А. Ф. Писемский («Статья написана до такой степени безжалостно честно, что тяжело становится читать», — сообщил он А. Н. Островскому 26 июля 1855 г. См.: А. Ф. Писемский. Материалы и исследования. М.—Л., 1946, с. 82) и В. П. Боткин (см. его письмо к Тургеневу от 5 августа 1855 г.: Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., т. I. М., 1986, с. 359).

³ По цензурным обстоятельствам из 2-й главы были исключены рассуждение о «начальствующих политичных», упоминания, что к ним относился Михаил Дорофеич, что он занимался «кое-какими сделочками»; в 3-й главе исключено упоминание о том, что бомбардир Антонов «не признавал власти», и т. п.

⁴ Рассказ Толстого был посвящен Тургеневу. Поясняя свое желание, Толстой писал Панаеву 14 июня 1855 г.: «Эта мысль пришла мне потому, что, когда я перечел статью, я нашел в ней много невольного подражания его рассказам» (Толстой, т. 59, с. 316). Вероятно, не без влияния толстовского признания Некрасов оценивал «Рубку леса» в письме к Тургеневу 18 августа 1855 г. (п. 219). Более точная оценка «Рубки леса» Некрасовым дана в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» (С, 1855, № 10).

⁵ Письмо Панаеву от 8 августа 1855 г. (см.: Толстой, т. 59, с. 328).